

Лебедев Евгений (Александрович) Николаевич
(писатель)

22-28.05.97

— парсин —

«Русская мысль» — №4175 — 22—28 мая 1997 — 17

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Дань любви и боли

Памяти Е.Н.Лебедева

Вспоминается такой эпизод тринадцатилетней давности. Евгений Николаевич Лебедев входит в аудиторию Литинститута и начинает лекцию словами: “Сегодня ночью в возрасте 90 лет умер Сергей Михайлович Бонди. Я предлагаю почтить память его не вставанием, но усердным чтением его трудов”. Это было произнесено одновременно и с почтением, и с оттенком иронии. Действительно, было бы странно поднимать с мест первокурсников почтить память малоизвестного им 90-летнего профессора...

Евгений Лебедев умер в возрасте 55 лет, в ночь с 11 на 12 мая.

Его имя знает всякий, кто даже на самом поверхностном уровне интересовался XVIII-XIX веками русской литературы. Книги о Ломоносове и Боратынском (его любимейшем поэте; он его называл только так, через *o*), огромное количество статей и исследований: Державин, И.Дмитриев, К.Павлова, Д.Давыдов и многие другие. Два подготовленных им фундаментальных тома “Литературного наследия” о Тютчеве. Поэтические сборники русской классики, составленные и откомментированные им (он и сам был поэт и, кстати, переводчик с английского)...

Но и самый широкий читатель мог надолго запомнить имя Лебедева по всего лишь одной публикации в “Новом мире” в конце 80-х годов — о советской поп-культуре, где он разстряс и разнес в прах всю эту рождественско-пугачевскую эстетику, просто на уровне текстов песен, с

эпиграфом ко всей статье: “Всем простится, а писателю нет”.

В последний год он был заместителем директора по науке Института мировой литературы. До этого много лет вел в Литинституте историю русской литературы XVIII века. Чем он навеки запомнится бывшим своим студентам? Во-первых, тем, что был достаточно редким в Москве человеком, который *всегда* улыбается при встрече. Невероятное личное обаяние было одной из составляющих его педагогической методики: качество не столько профессиональное, сколько душевное и оттого далеко не всем доступное.

Во-вторых... Преподаватель читает курс по XVIII веку. Не самый выигрышный для доморожденных любителей Серебряного века (или Рубцова, или Бродского) курс. Средний филфаковец мирится с этим веком как с досадной необходимостью, получая легкие отдохновения, скажем, на Державине, и забывает весь этот век после экзамена (включая Державина), как туманный сон.

Евгений Лебедев умел читать вещи Княжнина, Тредиаковского или Капниста так, что студенты выходили из аудитории с полной уверенностью, что это великие и актуальнейшие поэты. Заглянуть после этого в тексты (вне его голоса) Княжнина и Капниста было предприятием рискованным, ибо, естественно, ничего подобного лебедевским речитативам в них нельзя было найти, и, соответственно, появлялась мысль либо о выдающихся актерских способностях

лектора, либо о его гениальном “шарлатанстве”. Но то было не актерство и не шарлатанство. Дело не в том, что он всерьез полагал XVIII век золотым веком русской поэзии и пытался эту мысль внушить студентам. Он всего лишь полагал XVIII век золотым дождем, оплодотворившим век последующий. И другую, более драматичную для непризнанных и полупризнанных литинститутских гениев мысль внушал он: XX век — точное подобие XVIII-го. Он — не кульминация, не упадок и не завершение русской поэтической, художественной культуры, он — подготовка чего-то последующего. Лебедев доказывал это путем интереснейших культурфилософских размышлений, а верить все равно не хотелось. Он доказывал это энергией своего внушения, теми же речитативами, легким скепсисом по отношению к веку XX-му — и не поверить в это уже было нельзя, даже если ради этого нужно было переступить через свое тщеславие: как, значит, мы — Княжнина и Тредиаковские, а не Манделштамы и Блоки?! Урок суровый, но как сейчас, после его смерти, понимаешь — бесценный.

Я прочел в некрологе преподавателей и студентов Литинститута фразу, которую меньше всего можно считать посмертным преувеличением: “Евгений Лебедев — святое имя для нашего института”, “педагог Божьей милостью...”

Деятельность Е.Н.Лебедева, как было сказано, отнюдь не ограничивалась педагогикой. Это всего лишь один из некрологов — его студента. И даже не некролог, а дань любви и боли.

МАНУК ЖАЖОЯН

Москва